

≃ АРИНА ≃ ТАРЕЛКИНА

Убийство несолоно хлебавши

Арина Тарелкина
Убийство несолоно хлебавши
Серия «Криминальная кухня
от Арины Тарелкиной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62890036

Убийство несолоно хлебавши: [роман] / Арина Тарелкина: Эксмо;

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116644-1

Аннотация

Арина Тарелкина, женщина, у которой на первом месте всегда стояла карьера, неожиданно для себя оказалась окружена детьми – лучшая подруга целиком поглощена материнством, а у самой Арины появился соведущий, десятилетний Андрей. Жизнь и съемки кулинарного Youtube-шоу идут своим чередом под жужжание миксера и стук острых японских ножей, пока в один прекрасный день не исчезает бесследно непутевая мама Андрея и Тарелкиной не приходится попробовать себя в новой роли...

Кто не мечтает об идеальной жизни? Роскошный дом, заграничные поездки, модная и, кажется, «непыльная» работа – фудблогер. Но если уж собственную жизнь не всегда можно назвать идеальной, можно заглянуть за фасад чужой – например,

знаменитости нового поколения, законодательницы кулинарной моды, львицы гастрономического мира Арины Тарелкиной.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Арина Тарелкина

Убийство несолено

хлебавши

© Тарелкина А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Начало

Магия утра для меня – это не разливающийся по дому кофейный аромат и даже не первые лучи восходящего солнца (попробовали бы они пробиться через плотные рольставни) и уж тем более не звонок будильника (мои внутренние часы куда точнее). С недавних пор магия утра – это Нюткин плач. Даже не плач – рыдания. Безутешные страдания бесконечно несчастного человека. Осознавшего, что жизнь – боль, и это надолго. Так рыдают только профессиональные плакальщицы по покойникам и трехмесячные младенцы при разлуке с матерью. Всякий раз, когда Алена покидала дочь хотя бы на секунду, та громко заявляла миру решительный протест. Врач пуповину перерезал, а боженька забыл, и теперь стоило родительнице удалиться от младенца больше, чем на расстояние вытянутой руки, невидимая нить натягивалась и рана кровоточила. Куда пришлось удалиться Алене в этот раз, бог ведает, но ребенку это очень не понравилось.

Я потянулась рукой к тумбочке, нащупала смартфон, проверила время.

– Действительно, – усмехнулась я, – время пять, а ты в кровати. Непорядок.

Пожалуй, нужно сказать Нютке спасибо – мне действи-

тельно пора подниматься. Если поддаться искушению и проваляться в постели часов до семи, на продуктивный рабочий день можно не рассчитывать.

Хлопнув в ладоши, я включила ночник. Опустив руку на пол, нащупала уютные домашние сапожки. Медленно, оттягивая неизбежный момент, натянула их на ноги. Кое-как заняла вертикальное положение, накинула халат и, отчаянно зевая, поплелась в ванную, где выпила приготовленный с вечера стакан воды. С чайной ложкой соли и долькой лимона. Редкостная гадость, но бодрит почище кофе. Вычитала где-то, что такой состав натошак восстанавливает солевой баланс, нарушенный часами обезвоженного сна. Допускаю, что очередная интернетная муть, но чем черт не шутит. Утренние ритуалы – важная вещь. Мои включают непременно зарядку, медитацию и письменное планирование дня в тишине и покое. По крайней мере, до недавнего времени именно так и было, но с появлением Анны Станиславовны Беровой все изменилось.

Улыбнувшись растрепанному отражению в зеркале, я зачерпнула лопаточкой крем из золоченой банки, нанесла его на лоб, нос, щеки и подбородок и принялась аккуратно распределять на лице по массажным линиям. Однако движения мои не были осознанными – мысли блуждали в стране воспоминаний.

Я влюбилась в Аньку с первого взгляда. До боли, до всхлипа, до спертого в зобу дыхания. «Так вот ты какая – безуслов-

ная любовь», – пронеслось в голове, стоило мне взять на руки туго спеленатый во фланелевую пеленку сверток. Видит бог, тогда казалось, что мне в жизни не доводилось видеть ничего более прекрасного. Меня не смущало ни отсутствие ресниц и бровей, ни сморщенная, покрытая белым налетом кожа. Нос на пол-лица, нависающие, как у питекантропа, надбровные дуги, глазки-щелочки – объективности ради надо заметить, что красивой Анну Станиславовну назвать можно с натяжкой. Однако к черту объективность – сердцу не прикажешь, а для моего сердца нет ребенка милее и краше. Я полюбила ее всю! Ее лысую головку, худенькие ручки, кривые ножки, огромный (по меркам моделей) живот, каждую складочку и ямочку на краснокожем теле.

– Кто это у нас тут такой? – в тот момент я даже не сразу узнала свой голос. Господи, неужели это я, едкая и циничная Арина Тарелкина, сюсюкаю и шепелявлю, как какая-то «инста-няшка», изображающая радость от встречи с заклиной подругой? Б-р-р, я даже поежилась, и мысленно дала себе слово разговаривать с вновь прибывшим на Землю человеком спокойно и взвешенно, как и положено солидной женщине тридцати трех лет от роду. Но, будучи хозяйкой своему слову, тут же его и забрала обратно. Думаю, это что-то генетическое. Опция, встроенная в женщин от рождения, рефлекс, запускающийся при виде крошечных пальчиков, которые едва-едва длиннее ногтя. А то и короче, учитывая нынешнюю моду на украшенные стразами «когти Бабы-яги».

А запах! Никакие духи не сравнятся с этим чистым, свежим (что бы кто ни говорил) ароматом младенца. Чистым ароматом любви и нежности. А не кислого молока, как полагают некоторые. Это нужно быть бесчувственным истуканом вроде Коломойского, чтобы такое выдать. А ведь сам отец двоих детей. Или именно поэтому? В конце концов, мужчины воспринимают все иначе. Даже Стас, далеко не чужой Нютке человек, и тот поначалу отнесся к ней, как мне показалось, с прохладцей. Во всяком случае, не обеспечил ей тот горячий прием, который она, безусловно, заслуживала. Хотя, может, мы просто не предоставили ему такой возможности? Оттеснили мужика в сторону, захлопотали, заквохтали, закудахтали над младенцем, доверяя отцу только колясочные прогулки и любование на расстоянии. Хорошо еще, что безумие длилось недолго. Вскоре я, например, поняла, что шесть рук лучше четырех и что радостью мытья попы и смены подгузников можно и нужно делиться. Поэтому теперь, услышав тревожный Анин плач, я уже не бегу, как прежде, сломя голову, а зарываюсь под подушку, накрываюсь для верности одеялом и успокаиваю совесть аффирмацией о наличии у ребенка родителей. В конце концов, я кто? Фея-крестная! И, значит, какая моя задача? Нарядить нашу Золушку на бал, когда придет время, а также обеспечить ее надлежащим транспортом. А, ну и принца потом проверить, конечно. А то знаем мы этих современных женихов – видели в поликлинике. Сидят в колясках, пузыри пускают – сплошь

маменькины сынки, неспособные сложить правильно пирамидку с первого раза.

Но до первого бала, слава богу, далеко, так что пока можно расслабиться и отводить душу в магазине игрушек, скупая кукол, клоунов, собак, радуя не столько ребенка, сколько себя, компенсируя тяжелое детство с деревянными игрушками, приколочеными к полу.

Конечно, мы со Стасом, мучимые чувством долга и угрызениями совести, старались как могли. Но все равно основная нагрузка заботы о ребенке легла на хрупкие материнские плечи. И без того худенькая, за эти три месяца Алена превратилась в бесплотную тень, уменьшившись едва ли не вполовину. Стойко-серый землистый цвет лица, темные круги под глазами, синие вены, просвечивающие через кожу. Вечный пучок на голове, вытянутые на коленях спортивные брюки, накидка-балахон для удобства кормления.

Конечно, я предлагала ей нанять няню. И даже приглашала несколько «мэри поппинс» на собеседование. Но ни одна не удовлетворила требованиям королевы-матери, которая, подозреваю, просто не желала делить ни с кем ребенка. Она и нам-то выдавала его нехотя и едва ли не под расписку.

– Это пройдет, – утешала я Стаса, подливая вина в пустой бокал.

– Точно?

– Наверное, – тянула я неуверенно. – Мне-то откуда знать? Видит бог, я этого младенца больше жизни люблю, но

все равно не понимаю, к чему так убиваться? Ведь что может случиться, если вы выберетесь в кино или на концерт?

– Какой там, – устало махал руками парень. – Мне кажется, она даже десятиминутную разлуку предательством считает.

– А как у вас с сексом?

Полный укоризненной тоски взгляд.

– Ясно, – вздыхала я и советовала держаться. В конце концов, что еще остается?...

...Тряхнув головой, я отогнала непрошенные мысли – приходят в голову когда хотят, носятся по кругу, мусолят одно и то же. Усевшись в позу лотоса, я прикрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Медитация – практика очищения сознания, которая позволяет мне сохранить рассудок в этом полном безумия мире.

Глава вторая

Мы готовим мраморные печенья

Студия встретила нас непривычной тишиной. Нахмурившись, я демонстративно посмотрела сначала на часы, потом на Ганина.

– Арина Сергеевна, чего вы хотите? – возмутился тот. – Сейчас только десять утра.

– И что? – Брови у меня сошлись на переносице. – Сейчас не «только десять», а «уже десять»! Чувствуешь разницу? Знаешь, какое количество дел уже вычеркнуто в моем плане?

– Так то вы, – в голосе помощника читалось восхищение.

– Ты мне этот подхалимаж брось, я себе цену и так знаю. Я не пойму, кто-то решил, что «Акела промахнулся»? Сдаю позиции? Так я даже строгую начальницу изображать не стану, уволю всех к чертовой матери, и дело с концом. У меня почта от писем соискателей ломится, замену быстро найду.

– Сюрприз! – нестройный и не сильно радостный хор голосов прервал гневную отповедь, и из-под кухонного островка показались кислые лица сотрудников.

Вот не зря я ненавижу сюрпризы. Черт их дернул про мой день рождения вспомнить. Особенно когда я сама предпочитаю о нем забыть.

– Эммм, спасибо большое, – промямлила я, едва ли не впервые в жизни не зная, что сказать. Что делать? Обратиться все в шутку? Дескать, ага, попались. Такой хрен не слаще той редьки. Еще и начальственную корону уроню. Нет уж, главное – сохранять достоинство в любой ситуации. Попала впросак – бывает. Упала, поднялась, отряхнулась, пошла дальше.

– Твоя идея? – растянув губы в благодарной улыбке, прошипела я в сторону Ганина с видом королевы-матери, с любовью взирающей на подданных, принимая их вялые поздравления. – Спасибо большое, тронута. Рада, что не забыли! – Я пожимала ладошки, едва сдерживая клокотавшую внутри ярость. Ох, уединимся мы с помощником – отведу душу. Благо, коллектив у нас небольшой, поэтому церемония поздравления завершилась, едва успев начаться.

– Ну что? – нарочито бодрым тоном я обратилась к команде. – Приступаем?

– Так ведь Андрея нет, – подал голос Стас. У, предатель – с тобой я дома поговорю. Знал ведь, змея, и промолчал.

Видимо, зять прочел в моем взгляде угрозу, а может, просто хорошо меня знал, но в его глазах на минуту мелькнул испуг, быстро сменившийся, впрочем, озорными чертенытами. Ну ничего-ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Уж я найду способ отыгаться. Месть – блюдо, которое едят холодным.

– Андрея, говорите, нет. – Я почувствовала, что снова за-

кипаю. И это я еще по утрам медитирую. Страшно представить, что бы было без этой практики. Ну а с другой стороны, как не злиться, когда мой день расписан по минутам, а соведущий изволит опаздывать?

– Простите-простите-простите, – в студию, окутанная ароматом дорогих духов, влетела Ольга. Грациозно уронила легкий кардиган на руку вовремя подоспевшего Павла и упала на диван, вытянув вперед бесконечно длинные ноги. Паша каменным истуканом застыл подле.

С тех пор как мы запустили новый проект, наш водитель стал его преданным фанатом. До этого его калачами на съемки не заманишь: «Что я там не видел, лучше в машине подремя», а тут поди ты – толчется вокруг, как пестик в ступке.

– Еще раз прошу прощения, – голосом, в котором не было и намека на раскаяние, промурлыкала Ольга. – Но что поделать? Вы же понимаете, ребенок есть ребенок.

Быстрый, полный недовольства взгляд Андрея открыл мне и без того известную истину – он тут совершенно ни при чем. Просто некоторые не умеют пользоваться часами и совестью. Уволить бы ее к чертовой матери, но как, если я ее и не нанимала?

– Ах да. У тебя же день рождения! – Ольга проявила чудеса осведомленности. В ее случае подобное действительно являлось чудом – чтобы эта женщина держала в голове информацию, не имеющую к ней непосредственного отноше-

ния... По сравнению с этим сходение благодатного огня – детский фокус. – Поздравляю! – Ольшанская растянула губы в ослепительной улыбке и неторопливо (действительно, куда ей спешить?) поднялась, предоставляя присутствующим возможность лишний раз полюбоваться ее прекрасной фигурой, затем порылась в сумочке и извлекла из нее небольшую подарочную коробку, украшенную белым бантом.

– Это тебе! – Не успела я опомниться, как огромная грудь уперлась мне куда-то в область подбородка – Ольга сграбастала мое тщедушное тельце в великодушной попытке одарить дружеским (я надеюсь) поцелуем.

– Не надо! – я резко отстранилась, нисколько не беспокоясь о ее чувствах. Кажется, теперь и я насквозь пропиталась ароматом дорогуших (даже не сомневаюсь) духов. Теперь бы не умереть от удушья. – Ты мне прическу испортишь. – Я поправила аккуратные, волосок к волоску, рыжие локоны.

– И макияж, – вмешалась Татьяна, не без оснований не любившая Ольгу.

– И макияж, – согласилась я, брезгливо, двумя пальцами принимая подарочную коробку. – Что там? – в моем голосе читалась настороженность. Оно и понятно, не дай бог парфюм. Страшно подумать, что будет. Зная Ольшанскую, его даже просто домой принести опасно – аллергия домочадцам обеспечена. А у нас, в конце концов, маленький ребенок.

– А? Что? – Взгляд Ольги заметался, и я поняла, что она и сама не в курсе. Наверняка передарила какую-то безделицу,

полученную от «любимой» подруги.

В другое время я бы вдоволь поиздевалась над девицей, заставив ее ужом вертеться на сковородке в попытках выкрутиться, но сегодня мы и так здорово выбились из графика.

– По матрешкам! – скомандовала я, и шоу началось.

* * *

– Ну так что, – обратилась я к юному помощнику, – будем печь печенья?

– Конечно! – Глаза мальчишки вспыхнули азартом. Просто удивительная трансформация – еще пять минут назад Андрей смотрел на всех букой, и вот теперь превратился в озорного мальчишку, готового на любой кипиш, кроме голодовки.

Андрюху на площадку привел сменивший Алену на посту помощника Ганин. Этот год вообще оказался весьма урожайным на новых и таких разных людей. Не случайно и реакция на них у меня была разной: одним – Нютке и Андрею – я обрадовалась, других – Ганин – сдержанно приняла, третьих – Ольшанская – невзлюбила практически сразу, но была вынуждена терпеть как неизбежное зло. Увы, но на всякую бочку меда найдется своя ложка дегтя. Правда, в случае с Ольгой это целый черпачок. Добрый такой половничек.

Но боже, будь она в три, да что там, даже в десять раз невыносимее, и тогда я не откажусь от сотрудничества с се-

мьей Ольшанских, ведь все недостатки матери с лихвой компенсировал сын. Станный, замкнутый, угрюмый в обычной жизни, в кадре он превращался в харизматичного ребенка с бездной обаяния. С первых выпусков стало ясно, кто из нас истинная звезда. Детская, да и взрослая аудитория сразу же полюбила Андрея. Ему писали сообщения, искали встреч, желали познакомиться. Я как могла сдерживала натиск неожиданных поклонников, прекрасно понимая, что мальчишку категорически нельзя пускать в офлайн. Да он и не рвался, в отличие от маменьки, которая то и дело пыталась организовать пацану тур по городам и весям с творческими встречами – Ольга хотела выжать из популярности сына максимум. Мое благоразумие пока побеждало алчность – с трудом, но все же удалось донести до родительницы, что имидж Андрея сильно пострадает от живого общения с поклонниками.

– Ты же видишь, какой он, – увещевала я ее то и дело. – Он двух слов вне площадки связать не может. Представляешь заголовки сетевых изданий? Оно тебе надо?

Казалось, в Андрее каким-то образом уживались два человека: один – хмурый мизантроп, другой – солнечный экстраверт. Доктор Джекил и мистер Хайд, Халк и Брюс Беннер. Не знаю, насколько это нормально, но внешне Андрей производил впечатление человека, которому вполне комфортно в коконе из страха и настороженности. Одно дело открываться на короткий срок, играя роль перед камерой, другое

– жить кожей наружу. Кому, как не мне, это знать?

– Арин, я готов, – брошенная Стасом фраза вывела меня из забытья.

– Прекрасно. – Усилием воли я растянула уголки губ, тренируя улыбку. Получился странный оскал, но через секунду все изменится. Поехали-и-и-и.

– Привет, друзья, – глядя прямо в камеру, произнесла я, чувствуя привычный азарт. Удивительно – занимаюсь этим столько лет, а ощущения все те же. Наверное, так же ощущают себя актеры, которые и в девяносто выходят на сцену. Ведь если не это упоительное чувство легкости и свободы выводит их на подмостки, то что же? И пусть, в отличие от них, я не имею возможности увидеть своих зрителей, всякий раз записывая ролик, я ощущаю их энергию. Воображение? Возможно, но это ощущение всякий раз будоражит мне кровь, заставляет сердце биться быстрее и получать несказанное удовольствие от того, что делаю. Не случайно я всегда немного волнуюсь, ведь каждый новый выпуск – это премьера. И тут не помогут никакие прежние заслуги – один неосторожный шаг, и поклонники «переключили канал». Любовь публики непостоянна и переменчива. Понимание этого не позволяет гнать халтуру, расслабляться, почивать на лаврах. Надеюсь, я никогда не перегорю и этот трепет, это предвкушение, предчувствие и любопытство (удастся ли побить собственный рекорд по просмотрам или ролик станет «проходным») всегда будут сопровождать мою работу. Если нет, то и

заниматься ею нечего. Главное – уметь уйти вовремя, до того как превратишься в очередную усталую звезду, заложницу былой популярности, вынужденную десятилетиями с потухшими глазами исполнять одну и ту же роль. Хвала богам, в деньгах я не нуждаюсь и, значит, избавлена от возможного искушения – не хотелось бы выбирать между честностью перед зрителями и обязательствами перед семьей. Подозреваю, именно последнее и толкает вышедших в тираж «звезд» колесить с часами по стране, зарабатывая на ностальгии.

Эти мысли вихрем пронеслись в моей голове, и, пока они мотыльками порхали где-то на краю сознания, язык произносил заученные фразы:

– Итак, Андрей, что мы сегодня готовим? – Улыбка и взгляд, полный любви.

– Мраморное печенье, – соведущий прочел фразу с суфлера с первой попытки, без запинки.

– Мраморное? – изобразила я удивление.

– Ага. Оно так называется, потому что при выпечке на поверхности появляются трещины, опутанные белыми разводами.

– Так, стоп! – Я «сняла» улыбку с лица и отбросила в сторону – будто и не бывало. Более привычная раздраженная маска села как влитая. – Откуда взялись эти «опутанные», Андрей? Ольга, сколько раз говорить – пусть он учит текст. Ольга, где, черт побери, Ольга?

– Так уехала она, – из сумрака в свет софитов вынырнул

Ганин.

– Твою мать... Прости, – я хлопнула себя ладошкой по губам, обращаясь к Андрею. – Что за человек, а? А ты почему отпустил? – вопрос помощнику.

– Что мне ее, силой, что ли, удерживать? – возмутился тот.

– Да хоть бы и силой! – Понимая всю бессмысленность перепалки, я продолжала упорствовать. – Ну а ты, – я обратила гнев на виновника, – не хочешь учить, так хоть читай правильно. Для кого Илья Викторович подказки рисует?

– Я читаю, – нахмурившись, буркнул Андрюха и выразительно шмыгнул носом.

– «Читаю», – передразнила я, не купившись на представление.

Признаюсь, поначалу, когда мы только приняли мальчишку на работу, его театральные постановки производили на меня впечатление. Осознавая хрупкость и ранимость детской психики, я только что пылинки с соведущего не сдувала. Очень боялась нанести психологическую травму, пока, пообтесавшись, не поняла две вещи. Первая – что бы я ни делала, родительницу по части травм мне не переплюнуть. Вторая – детская психика куда устойчивее, чем мы думаем. Главное – не опускаться до оскорблений и унижений (про физическое наказание и речи не идет), а с остальным она как-нибудь справится. Напротив, общаясь с Андрюхой на равных, без скидок на возраст, я демонстрирую доверие – видишь, для меня ты достаточно взрослый, чтобы просчиты-

вать последствия своих действий и нести за них ответственность.

И, как мне кажется, мальчишка это ценит, хоть и не брезгует по привычке манипуляторными техниками – может в нужный (как ему кажется) момент слезу подпустить, носом шмыгнуть, губу надуть. Справедливости ради, не встречая с моей стороны должной поддержки, прибегает к этому все реже. Сегодня – это, скорее, исключение, чем правило.

– Ладно, – примирительно похлопала я Андрея по плечу. – Не обижайся, но, правда, ты бы очень облегчил нам задачу, если бы учил текст дома.

– Я учил. – Мальчишка упрямо мотнул головой.

Боже, пошли мне терпения! Учил, читаю – почистите кто-нибудь парню нимб.

– Ладно. – Читать нотации – только время терять, истина, проверенная временем. – Поехали дальше, и постарайся на этот раз без запинки. О'кей?

– О'кей, – угрюмо кивнул головой мальчишка.

– Илья, – я все же не удержалась от соблазна выплеснуть свое недовольство, – а ты впредь пиши роль проще. Откуда это опутанное, окутанное или как там у тебя?

– Расходящиеся, – подсказал помощник.

– Вот-вот, – непонятно с чем согласилась я. – Короче, сколько раз повторять – пиши максимально просто. Это же ребенок. Мраморное печенье, испещренн... тьфу, кажется, это заразно. Короче, все в трещинах. Выглядит красиво, бла-

бла и все такое.

– Переписать? – как ни старался Ганин скрыть недовольство, оно все же прозвучало в его голосе.

– Оставь. Убери вообще часть про белые разводы и погна-ли дальше.

– Хорошо. – Будучи профессионалом, Илья почти нико-гда не спорил с начальством. За что и ценю. – Погнали?

– Погнали.

Дальше пошли без сучка без задоринки. Андрей бала-гурил и веселил окружающих, печенья порадовали своим внешним видом. Этот рецепт в моей копилке один из самых удачных. Во-первых, просто. Во-вторых, вкусно. В-третьих, детям безумно нравится сначала катать шарики из теста, за-тем обваливать их в сахарной пудре, а потом наблюдать за волшебством через прозрачное стекло духовки. В процессе выпечки круглые колобки сначала гордо раздуваются, а за-тем лениво расползаются в пышную лепешку. Раскаленный воздух оставляет на их спинках глубокие шрамы, словно сне-гом припорошенные пудрой. Так и появляется «эффект мрамора».

Видов этого десерта существует великое множество: шо-коладное, красный бархат и апельсиновое, лимонное с мятой и даже с начинками. Главный секрет в пудре – во время вы-пекания часть ее впитывается в тесто, а часть превращается в корочку, которая, трескаясь, и образует замысловатый узор.

– Ну что? Понравился тебе сегодняшней рецепт? – Я лас-

ково провела ладонью по голове мальчика. Мягкие, коротко стриженные светлые волосы на ощупь напоминали бархат или мягкую шерстку породистого кота.

Андрей ошетинился – он всегда так реагировал на прикосновения. Когда-нибудь, я надеялась, это изменится, а пока старалась лишний раз не провоцировать мальчишку. Но иногда забывала о своем намерении и «срывалась». Вот как сейчас.

– Норм, – буркнул Андрюха, которого команда «Стоп! Снято» превратила обратно в нелюдимого бирюка.

– Печенье-то будешь? – Я подвинула к нему блюдо, на котором красивой горкой высилась только что приготовленная выпечка.

– Давай, – лениво и будто нехотя протянул мальчишка.

– Может, тебе чаю? – Нереализованный материнский инстинкт вкупе с жалостью к нелегкой доле фактически брошенного ребенка заставил меня забыть о графике, в котором не было пустых мест и зазоров даже в минуту. Расписание было настолько плотным, что любая задержка тут же обрушивала с трудом выстроенную пирамиду и тянула за собой одно опоздание за другим.

Благо, в отличие от меня, Ганин свои обязанности не забывал и о моих напомнил.

– Арина Сергеевна. – Он выразительно постучал указательным пальцем по запястью. По тому самому месту, где у серьезных мужчин солидно выглядывает из-под манжета

рубашки Vacheron Constantin или Rolex, у хипстеров сидят Apple Watch, а у всех остальных, включая моего помощника, кроме волос, ничего нет.

Однако отсутствие часов не помешало мне понять намеки, и, потрепав Андрея еще раз по голове (ну не удержалась), я решительно направилась к выходу.

– Эй, – возглас Стаса догнал меня уже у двери, – а с ним что делать?

Даже не поворачивая головы, я поняла, о ком он.

– Черт, а ведь и правда! – Я досадливо поморщилась. – Кто-нибудь дозвонился Ольге?

– Нет, – мрачно покачал головой Ганин. – Телефон недоступен.

– Прекрасно, она... – начала было я, но вовремя спохватилась – от злой оценки девицу спасло присутствие ребенка. В конце концов, какая-никакая, а она ему мать. А о них, как о покойниках, либо хорошо, либо ничего. Однако ж эмоциями делу не поможешь. Можно сколько угодно злиться на Ольшанскую, это не материализует ее на площадке и не телепортирует Андрея прямо в объятия родительницы.

Что до последнего, то тот, с ранних лет привыкший быть самостоятельным, на милость взрослых давно не рассчитывал, поэтому не стал дожидаться, пока те решат его судьбу, и предпочел взять ее в свои руки.

– Сам доберусь, – буркнул он, застегивая молнию курточки и надевая на одно плечо легкий спортивный рюкзак. –

Ключи у меня есть, дорогу знаю.

– Я могу отвезти, – Стас откликнулся с таким энтузиазмом, что я поняла – он просто домой не рвется. И я его понимаю, ведь там вечно хнычущий ребенок и мать, которая явно не совсем в себе.

– Ну уж нет, – отозвалась я резко. – Никто никого никуда не повезет, и тем более никто никуда сам не поедет. Стас, отвезешь Андрея к нам, пусть с Нюткой повозится. Им обоим на пользу будет.

– Не хочу я... – попытался возразить мальчишка, но наткнулся на мой полный решимости взгляд.

– Это не обсуждается, – тоном, не терпящим возражений, произнесла я. – Ты едешь к нам. И точка! В конце концов, ты несовершеннолетний, и мы как взрослые несем за тебя ответственность. Кто-то же должен, – последняя фраза была лишней, но я не сдержалась.

Глава третья

Везет как утопленнику

Дом встретил неожиданной тишиной – явление в последнее время столь редкое, что я даже на секунду испугалась. Не люблю, когда что-то нарушает привычный ход вещей, пусть даже и не самый комфортный. Тревожное предчувствие сдавило грудь, но тут же отпустило – наверное, Нютка просто уснула, а ее родители на радостях задержали дыхание.

Я с наслаждением скинула туфли, несколько не заботясь о том, чтобы убрать их в гардеробную, – слишком устала. Босыми ногами пошлепала на кухню – надо бы поискать тапочки, но не сейчас. Хлопнула в ладоши, включая свет, и вздрогнула, оглядывая «поле боя». Похоже, в мое отсутствие дом пережил набег орды. Может, поэтому так тихо? Домочадцев пленили? Надо бы проверить, но потом. Все потом. Сейчас мне нужен чай. Ароматный травяной чай с чабрецом и мятой. Найти бы только свободное место – всюду, куда ни глянь, стояли баночки, бутылочки, стерилизаторы (именно так – во множестве числе, и не спрашивайте почему). Алена даже молокоотсос умудрилась зачем-то притащить на кухню, да тут и оставить. Кое-как расчистив столешницу, отволав у детских товаров немного места, я поставила на него тяжелый глиняный заварочный чайник с коротким носиком.

Нырнула в телефон, открыла программу и щелчком пальца по экрану запустила чайник – до чего техника дошла, мы теперь даже воду кипятим при помощи смартфона.

Потом я нехотя поднялась и пошла на террасу – туда, где на широком подоконнике с некоторых пор росли пряные (и не очень) травы. Их выращивание – мое новое увлечение. Началось все с микрозелени, но постепенно разрослось до всего подряд. Не умею вовремя остановиться, поэтому все-таки поглядываю на овощные культуры – когда-нибудь, уверена, и им найдется место в саду. Пока же я аккуратно срезала несколько веточек сидящих в горшках растений. Воздух тут же наполнился свежим ароматом «плачущей» эфирными маслами мяты. Я постояла немного, прикрыв глаза, наслаждаясь моментом. Провела рукой по бархатным листочкам, покрытым нежно-зеленым пушком. Жизнь, ты прекрасна!

Вернувшись на кухню, я бережно уложила срезанные веточки и попыталась залить их водой. Именно попыталась – жидкость отказывалась литься через узкий носик – она то плевалась крупными каплями, то, фыркая, текла тонкой струйкой. О боже, опять. Ну сколько можно? Откинув крышку, заглянула внутрь, чтобы убедиться в своих подозрениях. Так и есть – Алена опять использовала чайник как стерилизатор (спрашивается, на кой тогда все эти приборы?). Ложкой я выловила соску, слила воду и налила новую – сама виновата: если в доме маленький ребенок и мать, которая от усталости немного не в себе, следует быть начеку.

– Привет!

А вот к этому сюрпризу я оказалась не готова. Вздвогнув, я пролила повторно нагретую воду мимо чайника. Похоже, насладиться ароматным чаем мне сегодня не судьба.

– Привет. – Я и не пыталась скрыть удивление. – Ты чего тут делаешь?

– Воды попить спустился. А что, нельзя? – Андрей (а это был он) ошетинился.

– Нет, конечно, можно, – я смягчила тон. – Просто... Впрочем, неважно. Ты голоден?

– Ну, так... – Мальчишка потупился.

– О господи, ну конечно! – Всплеснув руками, я метнулась к холодильнику. – Так, что у нас тут? Хм... Грудное молоко, – я провела пальцем по стройному ряду бутылочек. Похоже, Алене что-то известно о грядущем апокалипсисе, иначе зачем бы ей столько «заготовок»? С тех пор как родилась Нютка, ее мать только и делает, что кормит дочь и сцеживается, сцеживается и кормит. Если так и дальше пойдет, на год мы подарим девочке абонемент в спортзал и курс младенческой диеты. Интересно, такой вообще существует?

– Да уж, – протянула я задумчиво. – Может, просто закажем пиццу?

– А так можно? – Бесцветные, еле заметные брови Андрея взмыли вверх.

– Почему нет? – настала пора мне удивляться.

– Ну, не знаю, – протянул он, снова опуская глаза. – Ты

же вроде этот... как его... шеф-повар?

– Кулинар, – подсказала я. – Да, ты прав. Не к лицу мне такое конечно, но... Ты же никому не расскажешь?

– Я?! – Мальчик принимал все за чистую монету. – Ко-
му я могу рассказать? Если только маме. – При упоминании
Ольги его взгляд потух и сам он будто скукожился.

– Она отзвонилась? – нарочито небрежным тоном поин-
тересовалась я, набирая номер любимой пиццерии.

– Нет, – Андрей отрицательно помотал головой. – Навер-
ное, дела просто, – пояснил он, немного помолчав. – С ней
часто такое бывает.

– Да? – Я подняла вверх указательный палец, призывая
мальчишку к тишине. – Будьте добры, нам... Ой, – зажав ди-
намик рукой и слегка отстранив от себя трубку, обратилась
я к мальчику, – тебе какую?

– Четыре сыра, – отозвался тот.

– Нам, пожалуйста, одну большую «Четыре сыра», одну
«Пепперони» и одну «Маргариту». Гулять так гулять! – Я
весело подмигнула Андрею. – Напитки? Нет, спасибо, впро-
чем... Ты что-нибудь будешь пить?

– Колу.

Я поморщилась.

– А тебе можно? Мама точно разрешает?

– Мама? – Глаза мальчика округлились от удивления. –
Мама мне все разрешает. В смысле есть.

«Да, это на нее похоже», – подумала я, а вслух произнесла:

– И большую колу, пожалуйста.

Чуть позже, когда мы, ежесекундно облизывая жирные пальцы, поглощали горячую, невероятно вкусную пиццу, запивая ее жутко вредным, приторно-сладким газированным напитком, я снова поймала себя на ощущении безмерного, безграничного счастья – чувства, которое в последнее время почти меня не покидает. «А жизнь-то, кажется, налаживается», – подумала я, наблюдая, как тонкая нить расплавленного сыра свисает с куска в руках Андрея.

Кто бы знал, что совсем скоро все изменится...

* * *

– Доброе утро! – Вид Стаса оставлял желать лучшего.

– Беспокойная ночь? – сочувствующе поинтересовалась я.

– А ты разве не слышала? Дала Нютка жару.

– Нет. – Я вздохнула. – Вчера так вымоталась, что спала как убитая. Ты бы уговорил Алену на няню. Ну сколько мы так протянем? Я готова помогать, но с моим графиком... Ты же знаешь... – Вроде и понимаю, что не за что оправдываться, а все равно чувствую себя виноватой.

– Знаю... Но пока она ни в какую...

– Мне косточки перемываете? – в кухню привидением вплыла та, о ком мы судачили. Сходство с призраком усиливали иссиня-бледная кожа и длинный белый пеньюар в пол, там и здесь испачканный молоком и еще чем-то, что мне со-

всем не хотелось опознавать. В руках подруга держала Нютку, завернутую в розовое льняное одеяльце с бахромой.

– Спит? – шепотом поинтересовалась я, протягивая руки.

– Какой там! – вздохнула Алена. По ее взгляду я поняла, какие страсти бушуют у нее внутри – в ней явно боролись материнский инстинкт и здравый смысл. Наконец последний победил, и она нехотя протянула мне дочь.

Я аккуратно приняла крохотный сверток и заглянула внутрь. Нежность горячей волной захлестнула тело. Огромными бездонно-серыми глазами-блюдцами, в которых плескалось любопытство (по крайней мере, мне так казалось), взглянула на меня Анна Станиславовна. Мол, а вы меня чем порадуете? Чудесный возраст. Едва ли не лучший в жизни каждого человека. Минимальный набор потребностей, и все они удовлетворяются по первому же писку. В буквальном смысле.

Словно услышав мои мысли, Нюта наморщила носик-пуговку, заворочалась, закричала. Тут же всколыхнулась мать – орлицей бросилась ко мне, протягивая худые руки. Ее изможденное лицо исказила гримаса боли. Вид Алены и ее хорошо читаемая решительность едва не заставили меня швырнуть в нее младенцем, который между тем еще повертелся, покряхтел и, громко пукнув, успокоился.

– Ну, вот и все, – протянула я, вытягивая трубочкой губы. – Ну, вот у нас все снова хорошо. Просто газики, да, Анна Станиславовна? Со всеми бывает, правда же? Да успокойся

ты, – это уже Алене, нависшей надо мной соляным истуканом. – Уймись, оглашенная. Ничего с твоей дочкой без тебя не случится. Она в надежных руках. Ален, – мне показалось, что сейчас самое подходящее время для серьезного разговора, – давай уже завязывать с этим цирком, а? Ну чего ты так себя изводишь?

– Я не извожу, – обескровленными губами прошелестела девушка, обхватив тонкими пальцами кружку с чаем, который ей заботливо налил любящий супруг. Над чашкой тонкой струйкой вился пар.

– Еще как изводишь. Слушай, ну не хочешь няню, давай я посижу с Нюткой, а вы со Стасом вдвоем куда-нибудь выберетесь. В кино хоть сходите или там в ресторан. Устройте себе романтический ужин. Правда, сегодня я не могу. И завтра тоже, но... Нужно посмотреть расписание, наверняка найду возможность выкроить денек. В крайнем случае отменяю все встречи.

– В кино... – эхом повторила подруга, словно пробуя это слово на вкус. Покатала во рту и выплюнула – ее лицо исказила гримаса отвращения. – Какое кино? Ты что? О чем? Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.